

Секция 7

СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ: ОТ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИЙ К ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

14 мая 2010 г., СПбГУП

Руководители секции:

А. О. ЧУБАРЬЯН

академик РАН, член Президиума РАН, директор Института всеобщей истории РАН, президент Государственного университета гуманитарных наук, доктор исторических наук, профессор, почетный доктор СПбГУП

А. Г. Васильев¹

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРИУМФЫ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРАВМЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ

Память в европейской науке стала рассматриваться как внеиндивидуальное (коллективное, социальное) явление начиная с 1920-х годов. Началом формирования «мемориальной парадигмы» социально-гуманитарных наук можно считать появление в 1925 году работы французского социолога Мориса Хальбвакса «Социальные рамки памяти». Специфика подхода М. Хальбвакса заключается в интерпретации памяти как социально обусловленного явления. Память — частичное и избирательное воссоздание прошлого, ориентиры для которого определяют извне, социальными общностями и культурными традициями, к которым принадлежит субъект. Хальбвакс обосновал фундаментальную связь между социальной группой и коллективной памятью и показал, что каждая группа формирует память о собственном прошлом, которая обосновывает ее уникальную идентичность.

Коллективная память у Хальбвакса всегда оказывалась связанной с той или иной локальной общностью (конфессия, семья, профессиональное сообщество, нация и т. д.). Возможность универсальной памяти он отрицает, существует столько «коллективных памятей», сколько групп. Глобальным измерением обладает только история, созданный профессиональной историографией образ прошлого. История — объективная, беспристрастная, абсолютная картина прошлого. Память является прямой ее противоположностью. Она субъективна, избирательна, пристрастна, связана с интересами групп. История для Хальбвакса начинается там, где память заканчивается. Память всегда локальна, она всегда чья-то, кому-то принадлежит и служит. История

призвана быть глобальной картиной одинаковой всегда и для всех истины.

В 1980-х годах, после достаточно длительного периода забвения, вновь возник интерес к проблематике социальной (коллективной) памяти. Но память при этом продолжала рассматриваться в локальных (преимущественно национальных) контекстах. Национальной памяти были посвящены такие знаковые для «мемориальной парадигмы» работы, как книга Й. Иерушалми «Захор» и многолетний проект «Места памяти» под руководством П. Нора. В начале 1990-х годов немецким египтологом Я. Ассманом была разработана теория культурной памяти, положившая начало становлению «мемориальной парадигмы» в современной культурологии. Культурная память также рассматривалась им в локальных контекстах как специфическая для каждой культуры форма передачи и «осовременивания» культурных смыслов, обобщающее понятие для всякого знания, которое управляет поступками и переживаниями в специфических рамках взаимодействия внутри определенного общества. Каждому сообществу присуща специфическая «культура воспоминаний», которые подлежат сравнительно-историческому анализу.

Однако уже с середины 1990-х годов контекст обсуждения «мемориальной проблематики» стал радикально меняться. Постмодернистская критика существенно пошатнула границы между исторической наукой и культурной памятью. Определенная часть историков стала рассматривать историописание как форму культурной (социальной) памяти, при этом говорилось, что невозможно провести четкую границу между этими двумя формами видения прошлого, поскольку история также зависит от места, времени и социально-культурного контекста возникновения. Историки разных мест и времен сохраняют в качестве достойных памяти различные аспекты прошлых событий и изображают их по-раз-

¹ Заместитель директора по научной работе Российского института культурологии (Москва), руководитель направления «Гуманитарные исследования», кандидат исторических наук, доцент. Автор ряда научных публикаций по истории культуры, проблемам культурной памяти и культурного наследия.

ному (П. Берк). Историческая наука — одна из исторических форм коллективной памяти, официально признанная память (П. Хаттон). Глобализация и одновременный подъем локальных идентичностей поставили под сомнение значимость нации и национального государства как основной единицы политической и социально-культурной идентификации. Как подчеркивал создатель теории культурной глобализации Роланд Робертсон, глобализация всегда сопровождается локализацией, то есть имеет место глокализация. Здесь возник вопрос о возможности, содержании и форме памяти глокализирующегося постнационального мира.

Вопрос о возможности глобальной памяти вызвал дискуссию. Алармисты заговорили об угрозе утраты памяти в ситуации тотального презентизма глобальной культуры. П. Нора писал о том, что память не является более значимым элементом повседневного опыта современного человека и существует только в виде своеобразных «мемориальных реликтов», «окаменелостей», смысл которых, некогда ясный всем и каждому, может теперь дешифровать только специалист в результате специальной работы. Один из ведущих теоретиков нации и национализма Э. Смит в опубликованной в 1995 году книге «Нации и национализм в глобальную эру» пишет о том, что глобальная культура — это производство «вечного настоящего». Главный редактор журнала «Memory Studies» Эндрю Хоскинс статью «Телевидение и коллапс памяти» (2004) отмечал, что телевидение как господствующий медиум «вплетает» фрагменты прошлого в настоящее. Телевидение с его непрерывным потоком новостей и прямого эфира живет в вечном настоящем, мгновенностью и одновременностью. Глобальные медиа — своеобразная черная дыра, «аттрактор», силой своей гравитации поглощающий память и историю своим полем «вечно-настоящего-реального-времени».

Представляется, что эти выводы слишком радикальны. Коммуникации и памяти без участия медиа в человеческой истории никогда не было. Менялись формы медиа, расширялся контекст взаимодействия. Появление способов передачи и хранения информации без непосредственной коммуникации «лицом к лицу» никогда не означало «конца памяти». Это позволило коммуникативной памяти, связанной с живым биографическим опытом носителей, стать памятью культурной, способной передаваться и закрепляться, не будучи личным опытом никого из членов сообщества. Такую «угрозу» памяти Платон некогда видел в письменности, теперь ее усматривают на экране. Память, однако, не исчезла, она видоизменялась. Нация является всего лишь одной из исторических форм «сообществ памяти», характерной для эпохи модерна. Господствующей формой культурной памяти стала национальная история. Формирование наций в свое время сопровождалось поглощением, подчинением, интеграцией локальных «культур памяти», которые существовали в устной или летописной форме. Происходил своеобразный «коллапс» предшествующих сообществ и форм памяти. На смену им приходил доминирующий нарратив национальной истории. Меж-

ду ними складывались сложные отношения борьбы и сосуществования, но это не означало «конца памяти».

Более продуктивной, по моему мнению, является точка зрения о возможности существования коллективной памяти на глобальном уровне и постановка вопроса о специфике ее содержания и оформления. Для обозначения этой новой формы коллективной памяти предлагаются два наименования — «космополитическая память» (Даниэль Леви и Натан Шнайдер) и «транснациональная память» (Андреас Хюссен).

Сегодня говорят о глобальных «местах памяти», вокруг которых концентрируется идентичность глобального человеческого сообщества. Так, интернет-энциклопедия «Википедия» рассматривается как глобально дискурсивно коммуникативно конструируемое «место памяти» (Христиан Петцольд).

Складывающийся ныне нарратив глобальной памяти существенно отличается по своему содержанию от сформировавшегося на протяжении XIX столетия нарратива национальной памяти. С позиций тяготеющего к психоанализу направления исследований коллективной памяти отбор «образов-воспоминаний» в ней подчиняется определенным принципам. Главную роль здесь играют понятия «триумф» и «травма». Коллективная память предпочитает сохранять ситуации, в которых можно рассматривать себя либо как героев-победителей, либо как невинных жертв (Цв. Тодоров). Травма и триумф — «мифомотор» национальной идентичности, крайние границы опыта и предельный горизонт для самоопределения коллективного субъекта (Б. Гизен).

Национальная память национальных историографий концентрировалась преимущественно вокруг «триумфов», образов великой государственности, побед, завоеваний, выдающихся культурных достижений и их распространения в ходе выполнения цивилизаторской миссии. Глобальная память современного медиапространства, напротив, тяготеет к поражениям, страданиям, образам вины и несправедливости, «рессентиментам» (М. Ферро) и «тирании покаяния» (П. Брюкнер). Не случайно многие исследователи сегодня говорят о памяти Холокоста как модели организации глобальной памяти вообще. В последней четверти XX века произошла «космополитизация» Холокоста. Это событие утратило «привязанность» к конкретным месту и времени, превратившись в общечеловеческую метафору противостояния добра и зла. Посредством современных медиа Холокост стал одной из глобальных «икон» абсолютных зла и страдания, способной послужить обоснованием для разных идентичностей.

Релокализация, формирование «новых локальностей» глобального мира — не просто возрождение забытых или подавленных некогда традиций. Это новое конструирование новых локальностей в новом глобальном контексте (У. Бек). Важнейшей составной частью этого процесса является отстаивание собственных версий прошлого. Как правило, именно образ геноцида и страданий положен в основу новых локальных идентичностей.

Таким образом, можно выделить своеобразный вектор развития коллективной памяти от национальных триумфально-героических историографических нарративов к существующим преимущественно в пространстве новых электронных медиа травматическим нарративам сооб-

ществ глокализирующегося мира. В связи с этим представляет интерес рассмотрение соотношения в стратегиях нациестроительства постсоветских и постсоциалистических государств «триумфально-героических» и «жертвенно-травматических» моментов.